

детство выступает как особый строй бытия, при котором ребенок ощущает тайны, недоступные позитивистскому мышлению взрослых, ту вторую реальность, в которую не может проникнуть наука. Рассмотрение детства как мира, в котором формируются «инварианты» личности и творчества П.А. Флоренского, было предпринято С.С. Хоружим [7]. Позволим высказать предположение, что именно *детское мироощущение является «планом имманенции» русского философского символизма*. «Основных интуиций бывает только несколько, и на них нарастает все остальное, оно выкристаллизовывается около них. В детстве мы видим вещи, в которых открывается иной мир», — писал П.А. Флоренский [6, с. 413]. Философское творчество А. Белого так же, как и творчество П.А. Флоренского, есть рационализация первичных интуиций детства.

И А. Белый, и П. Флоренский характеризуют мир детства как строй бытия, при котором человек ощущает свое родство с миром, онтологическую укорененность в нем, что выявляется, прежде всего, в способности к интуитивному проникновению в непостижимое разумом. П.А. Флоренский отмечает родственность детского восприятия мира не только архаическому, но и средневековому мировоззрению, в котором, как он полагает, имеется почва для истинного постижения религии. «Сейчас — возврат к детству, < > детским слоям понимания, к средневековой культуре. Культура детского сложения духа, делается понятной детская психология. Мир снова начинает принимать мистический характер» [6, с. 432].

Мир детства как «первичного бытия», в котором возможно мистическое мироощущение, противопоставляется символистами миру взрослых, оторванному от бытийственных корней и превращенному в мир «бытия». Оппозиция «бытие — быт» станет одной из центральных в творчестве А. Белого.

Поколение символистов выросло в «профессорских квартирах», в семьях «типичных интеллигентов» второй половины XIX в., играя с «разумными» игрушками, слыша разговоры о теории Дарвина, об учениях Конта, Спенсера, Милля. Понятие «профессорская квартира» стало не только частью биографии Бориса Бугаева (А. Белого), сына профессора Московского университета, но и символом интеллектуальной культуры второй половины XIX в. Для атмосферы «профессорских квартир» было характерно отсутствие религиозности. Типичной была ситуация, когда духовное общение членов семьи заменялось научным общением. В таком доме «был один культ, незримо разлитый в воздухе; и был жрец этого культа, отец <...> университет назывался храмом науки; кафедра сознанием изменялась в алтарь; лекция — в богослужение» [1, с. 189].

Отмежевываясь от мира «отцов», символисты не выступали против науки как таковой. Характерно, что и А. Белый, и П.А. Флоренский, получили естественнонаучное образование. Но «дети рубежа» пытаются выстроить собственное мировоззрение, которое, с одной стороны, было бы лишено scientistic притязаний позитивистской эпохи, а с другой — синтезировало бы научные знания с искусством и религиозным опытом.

П.А. Флоренский писал: «Несомненно, что существует функциональное соответствие между идеями и внутренней жизнью — между миро-воззрением и миро-ощущением» [5, с. 148]. Мироощущение П.А. Флоренского основано на осязании им «плоти мира» — пространства, в котором происходит притяжение внутреннего и внешнего, глубины вещей и их поверхности. Из ощущения покрова, скрывающего тайну мира, рождается учение о символе: «Символ и был подглядыванием тайны. Ибо тайна мира символом не закрывается, а именно раскрывается в своей подлинной сущности, т.е. как тайна» [4, с. 158]. На этом ощущении выстраивается и культурологическая концепция П.А. Флоренского, по которой культура произрастает из культа, соединяющего разные уровни реальности, Небо и Землю.

Таким образом, мир детства рассматривается П.А. Флоренским и А. Белым как эпоха предсимволизма, первичных интуиций, которые в дальнейшем оформятся как теоретические положения. Символистский «план имманенции», вмещающий Небо и Землю как метафизические понятия, стал почвой для построения остова философских

Ю.В. Аленкова (г. Могилев, РБ)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИРА ДЕТСТВА В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ П.А. ФЛОРЕНСКОГО И А. БЕЛОГО

В философских и культурологических концепциях XX в. обнаруживается глубокий интерес к миру детства как к психическому, социальному и культурному феномену. Такой интерес, безусловно, был вызван открытием и развитием психоанализа. Однако в начале XX в. представители философского крыла русского символизма (П.А. Флоренский, А. Белый, Вяч. Иванов) предложили свою интерпретацию мира детства, которая стала не только теорией, но и неотъемлемой частью «жизнетворчества» этих мыслителей.

Рассматривая русский символизм как направление, Вяч. Иванов отмечал, что «речь идет... об общей ориентировке душевного пейзажа, о характеристике внутреннего и наполовину подсознательного тяготения творческих энергий» [3, с. 37]. Как было показано А. Белым и П.А. Флоренским, подобное тяготение творческих энергий проистекает из детства, формируя особый тип ощущения мира. Эта форма мироощущения («символистская чувствительность») явилась основой для появления символистского дискурса, особого философского стиля, образа мысли, — того, что Жиль Делез назовет «планом имманенции». Это нечто предфилософское, некие *внутренние предпосылки мысли* [2, с. 50].

Истоком формирования «символистской чувствительности» стал рубеж XIX — XX вв. — водораздел между двумя разными способами восприятия мира и типами теоретической рефлексии. При всей разности философских течений, влиявших на интеллектуальную атмосферу начала XX в., можно заметить одно общее — поиск оснований, противостоящих новоевропейскому рационализму, эмпиризму, а также позитивизму как типу мысли.

А. Белый назвал деятелей русской культуры этого периода «детьми рубежа». Слово «дети» употреблено здесь не только для уточнения хронологических рамок возникновения символизма. Для «символистской чувствительности»

концептов и культурологических идей, в которых Небо и Земля, внутреннее и внешнее проникали друг в друга, составляя нерасторжимое единство.

Литература:

1. Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: в 3 кн. Кн.1 / Редкол. В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Лаврова. – М.: Худож. лит., 1989.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Занкина. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
3. Иванов В.И. Родное и вселенское / Сост., вступ. ст. и прим. В.М. Толмачева. – М.: Республика, 1994.
4. Флоренский П. Детям моим: Воспоминания прошлых дней: Генеалогические исследования: Из Соловецких писем: Завещание / Сост.: игумен Андроник (Трубачев), М.С. Трубачева, Т.В. Флоренская, П.В. Флоренский. – М.: Моск. рабочий, 1992.
5. Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; Ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 1999. – Т. 3(1).
6. Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; Ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 1999. – Т. 3(2).
7. Хоружий С.С. Мирозерцание Флоренского. – Томск: Водолей, 1999.